

Галина **ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ:**

Романс не терпит стервозности

Век. Москва. - 1999 - 13 мая. - с. 12

Светлана МАРИНИЧЕВА

-Моя любовь к музыке началась с романсов. А так как в этом песенном жанре самый простой аккомпанемент, мама посоветовала начать именно с него. Впрочем, только рояля мне всегда было мало, хотя я с детских лет знала, что буду концертмейстером. Сольная деятельность никогда не привлекала, для нее необходимы другой размах и другой талант. Для меня гораздо интереснее профессия музыковеда-комментатора, которая дает возможность говорить с залом, и аккомпанемент.

— И добавить к этому создание сценария концерта, его организацию и профессиональный телемонтаж отснятого на пленку?

— Но на сложности, связанные с производством «конечного продукта», я не жалуюсь, потому что именно он увлекает по-настоящему. Между прочим, этот синтез жанров появился еще в те времена, когда я только начинала работать в Московской филармонии. Тогда, чтобы заполнить гастрольный план, выступать приходилось не только в концертных залах, а большей частью в каких-нибудь профилакториях, общежитиях или даже на заднем дворе магазина. И каждый день мы сталкивались с совершенно неподготовленной, подчас даже дикой аудиторией, для которой обычный камерный концерт был изначально обречен на полное непонимание. Поэтому волей-неволей возникла необходимость в слове, сопровождающем музыкальное действие и в какой-то мере облегчающем его восприятие.

— Я заметила, что атмосфера на ваших салонах теплая, душевная, как на встрече соскучившихся друг по другу друзей...

— Просто я настолько верю в целостную сущность своего дела, что не могу видеть в зале даже один равнодушный взгляд. Человек должен быть зажжен, увлечен, покорен. Неважно, на каком уровне он оценивает происходящее — на профессиональном или на примитивном.

— Вам легко далось ваше неповторимое сценическое амплуа?

— В моей жизни вообще ничего не решается просто, быстро и безболезненно. Только через бессонные ночи и потери в здоровье. Я — Козерог, и гороскопом мне предопределено пробиваться в жизни исключительно через трудности. Да, кому-то победы достаются легко, мне — труднее, но я не сетую. Зачем завидовать и локти кусать? Просто каждый должен делать свое дело и меньше гадить на участок соседа. Уронили тебя мордой в грязь, снова поднялся. Только так: окупился, полегал, с силами собрался — и пошел дальше.

Однозначно определить ее профессию не удалось даже экспертам, составляющим очередную музыкальную энциклопедию. В самом деле, как назвать жанр, одновременно включающий остроумный и тонкий музыкальный комментарий (вдобавок еще с историческим подтекстом), виртуозный аккомпанемент и просто сердечное общение с певцами, музыкантами и зрителями одновременно? Одним словом, сегодня в гостях у «Вечерки» заслуженная артистка России

Галина ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ.

— Силы-то где взять?

— Для меня, например, они приходят из побед и достижений. Ведь говорят же, что на победителях рапы заживают быстрее. Незавершенное и несостоявшееся дело для меня — трагедия. А завершённое, пусть крохотное, но уже преодоленное — лекарство. Еще один источник силы — аудитория. Не считайте за похвалу, но на своих салонах и концертах я чувствую, что у зрителей в зале одно дыхание. И получаю от них колоссальный заряд радости и счастья.

— Я знаю, что вы — после 1917 года — первой не только в Москве, но и в России возродили музыкальный салон как явление общественной жизни.

— Салон — дорогое для меня детище, и я бесконечно благодарна Московскому музыкальному обществу, которое предложило мне двенадцать лет назад «сочинить» что-нибудь интересное в старинном особняке Шуваловых. Именно тогда я придумала и свой салон — с домашними камерными концертами и музыкальными комментариями к ним, с чаем в антракте, с неторопливым и душевным разговором, который, казалось бы, сам

с собой завязывался в этих старых стенах. Впрочем, придумала — множество не то слово, скорее — возродила то, к чему давно стремилась и по чему втайне страдала. Ведь XVIII — XIX века, когда такие салоны были практически в каждом городе, — это мое время. Просто я родилась слишком поздно и уже не застала его. Но многое в моей жизни началось именно с салона. И прежде всего — Всероссийский телевизионный конкурс молодых исполнителей русского романса «Романсиада». Ведь салона без романса не существует, хотя, в принципе, для него приемлемы все жанры музыкального искусства.

— Конкурсу уже пошел третий годик. Но почему именно «Романсиада», романс, молодые исполнители?

— Мелодия — это тоже воспитатель. Пусть романс — наиболее примитивный из академических жанров, но и в нем, вне всякого сомнения, присутствует некое мелодическое зерно, которое являет собой суть искусства, даже, если хотите, суть музыкальной физиологии. Ведь человек, воспитанный на строевом ритме, как земля от неба

отличается от воспитанного на мелодии. Избрав «китом конкурса» романс, мы хотели поднять не только Москву и Санкт-Петербург, но и поехать по разным городам и весям, поискать талантливых людей, посмотреть и заодно показать (конкурс ведь телевизионный) провинцию с ее культурой. Но здесь мы столкнулись с совершенно жуткой ситуацией — оказалось, что в провинции романсов почти не поют, и молодежь просто увязла в «попсе», как в болоте. Но ведь от бесконечного повтора однообразного перепева, на котором основано большинство современных «музыкальных произведений», мне, например, просто становится физически плохо. Ведь еще Ницше сказал: «Количество шума, впитываемого человеком, обратно пропорционально его умственным и физическим способностям». Все уже доказано, но тем не менее шабаш продолжается. Идет элементарный захват аудитории и человеческого сознания. И для того, чтобы хоть как-то противостоять этому, мы придумали свой конкурс. Поэтому «Романсиада» для нас — шагочек вперед, маленький, крошечный, но все-таки — вперед.

— Во время «Романсиады» происходили какие-нибудь смешные или интересные случаи?

— Забавного было очень много, особенно когда мы просматривали кассеты, присланные на конкурс. Ведь первичный отбор идет по записям, присланным потенциальными участниками. Открывая конкурс, мы объявили, что участвовать в нем может молодежь до 30 лет. А половина заявок приходит от людей... старше 68. И знаете, как они объясняют свою «профпригодность»? Просто пишут: «Мне 68 лет, хочу принять участие в вашем конкурсе, потому что у меня и голос звучит хорошо, и потом я недавно считала пульс, так он у меня лучше, чем у моего 30-летнего сына».

Так сложилось, что конкурс «Романсиада» отличается особенной атмосферой. Персоналии, вошедшие в жюри, — не просто замечательные артисты и гениальные личности, но и люди в высшей степени интеллигентные. Николай Сличенко, Анатолий Соловьяненко, Леонид Серебрянников, Валентина Пономарева, Алла Баянова, Валерий Барнин... Участники «Романсиады» для них — как родные дети, поэтому параллельно с конкурсом проходят и своеобразные мастер-классы, где мэтры делятся с учениками своими творческими секретами, поправляют интонацию и помогают работать над голосами.

— Это чувствовалось даже по телевизионным программам, которые получились настолько светлыми и добрыми, что их хотелось смотреть вновь и вновь.

— А мне кажется, что весь секрет здесь — в романсе, который не терпит ни стервозности, ни подсебачничества, все это обязательно будет видно.

— Все сразу становится видно — не только какой ты артист, но и какой ты человек: сердечный ты или сквалыга, себя хочешь показать или просто музыку любишь. Романс — это лакмусовая бумажка.

— Трудно говорить о большом промежутке времени, поскольку конкурс еще очень юн, но тем не менее — как в дальнейшем складывается судьба его лауреатов?

— Наши участники — это наши дети. И они остаются таковыми — любимыми, талантливыми и дорогими — и после конкурса. Конечно, мы стараемся никого не бросать — следим за их творческими успехами, по возможности приглашаем участвовать в концертах и моих музыкальных салонах. А в прошлом году, когда один из участников (Игорь Орлов из города Кимры) явно не попал в лауреаты — сказывался недостаток музыкального образования, но мальчик подавал большие надежды, все звезды нашего жюри написали письмо на имя ректора Российской академии музыки с просьбой принять его документы вне конкурса.

— Как вы относитесь к такому популярному изречению, что артист — это диагноз?

— Не сомневаюсь в нем ни секунды. Могу только добавить, что болезнь эту вылечить невозможно. Не будет сцены — будет доморощенный кружок в жэке. Потому что выход на аудиторию, на публику просто необходим, как воздух, которым дышишь. Для меня, например, чем больше зал, тем лучше я себя чувствую. Особенно зал Чайковского люблю — там полторы тысячи мест. Выйдешь и как увидишь, что пустых кресел почти нет — все, уже появляется кураж — и счастье. А у кого это не диагноз — тот пусть идет работать на почту.

Светлана МАРИНИЧЕВА